

Кабанова

Кабанова Марфа Игнатьевна (Кабаниха) — центральная героиня пьесы «Гроза», мать Тихона и Варвары, свекровь Катерины. В перечне действующих лиц о ней сказано: богатая купчиха, вдова. В системе персонажей пьесы — антагонист главной героини, Катерины, контрастное сопоставление с которой имеет определяющее значение для понимания смысла пьесы. Сходство героинь можно усмотреть как в принадлежности их к миру патриархальных представлений и ценностей, так и в масштабе и силе характеров. Обе они — максималистки, никогда не примирятся с человеческими слабостями, не допускают возможностей никакого компромисса. Религиозность обеих также имеет одну сходную черту: обе они не верят в прощение и не вспоминают о милосердии. Однако этим черты сходства исчерпываются, создавая почву для сравнения и подчеркивая сущностно значимый антагонизм героинь. Они представляют собой как бы два полюса патриархального мира. Катерина — его поэзию, одухотворенность, порыв, мечтательность, дух патриархального уклада в его идеальном значении. Кабаниха — вся прикована к земле и земным делам и интересам, она блюститель порядка и формы, отстаивает уклад во всех его мелочных проявлениях, требуя неукоснительного исполнения обряда и чина, нимало не заботясь о внутренней сути человеческих отношений (см. ее грубый ответ на слова Катерины о том, что свекровь для нее все равно что родная мать; все поучения сыну).

Кабанова в пьесе охарактеризована не только собственными речами и действиями, но и обсуждается другими персонажами. Впервые о ней говорит странница Феклуша: «Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых». Перед этой репликой — суждение Кулигина: «Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем». Вскоре после этих предваряющих характеристик появляется выходящая от вечерни Кабанова в сопровождении своей семьи, которую она не переставая пилит, придираясь к воображаемому охлаждению к ней сына, выказывая ревнивое недоброжелательство к его молодой жене и недоверие к ее искренним словам («Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты. Да и Тихон тебя любит»). Из этого разговора мы узнаем, что, по мнению Кабановой, правильный семейный порядок и домашний уклад держатся на страхе младших перед старшими, она говорит Тихону о его отношениях с женой: «Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет?» Таким образом, если ключевые слова в представлениях Катерины о счастливой и благополучной жизни в доме «любовь» и «воля» (см. ее рассказ о жизни в девичестве), то в представлениях Кабановой это страх и приказ. Особенно ярко это видно в сцене отъезда Тихона, когда Кабанова заставляет сына строго следовать правилам и «приказывать жене», как жить без него.

У Кабановой нет никаких сомнений в моральной правоте иерархических отношений патриархального быта, но и уверенности в их нерушимости уже нет. Напротив, она чувствует себя чуть ли не последней блюстительницей правильного миропорядка («Так-то вот старина и выводится... Что будет, как старшие перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю»), и ожидание, что с ее смертью наступит хаос, придает трагизм ее фигуре. Она не считает себя и насильницей: «Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить».

Если Катерина чувствует уже по-новому, не по-калиновски, но не отдает себе в этом отчета, то Кабанова, напротив, чувствует еще вполне по-старому, но ясно видит, что ее мир гибнет. Конечно, это осознание облекается во вполне «калиновские», средневековые формы простонародного философствования, преимущественно в апокалиптические ожидания. Все это выявляет ее диалог с Феклушей, особенность которого в том, что он

характеризует прежде всего мироощущение Кабановой, хотя «выговаривает» эти размышления Феклуша, а Кабанова крепится, хочет уверить собеседницу, что у них в городе и правда «рай и тишина», но в конце сцены ее истинные мысли полностью обнаруживаются в двух последних репликах, как бы санкционирующих апокалиптические рассуждения Феклуши: «И хуже этого, милая, будет», — и в ответ на слова странницы: «Нам-то бы только не дожить до этого» — Кабанова веско бросает: «Может, и доживем».

Нельзя принять весьма часто встречающееся определение Кабановой как «самодурки». Самодурство — не порядок патриархального мира, а разгул своеволия властного человека, тоже по-своему нарушающего правильный порядок и ритуал. Кабанова осуждает своего кума Дикого, настоящего самодура (в отличие от самой Кабановой, строго придерживающейся порядков и правил), и относится с презрением к его буйству и жалобам на домашних как к проявлению слабости. В силе характера Кабановой не сомневаются окружающие («Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила», — замечает горничная Глаша в ответ Борису, жалующемуся на буйство Дикого). Самой Кабановой, сколько бы она ни точила детей за непочтение и непослушание, и в голову не придет жаловаться посторонним на беспорядки в своем доме. И потому для нее публичное признание Катерины — страшный удар, к которому скоро присоединится опять-таки открытый, на людях, бунт ее сына, не говоря уже о побеге из дому дочери Варвары. Поэтому в финале «Грозы» — не только гибель Катерины, но и крушение Кабановой. Разумеется, антагонистка трагической героини не вызывает сочувствия.